

ОТЗЫВ

**официального оппонента, доктора филологических наук,
профессора кафедры государственного управления и менеджмента
Брянского филиала федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего профессионального образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации» о докторской диссертации
Дударевой Марианны Андреевны «Апофатика русской словесной
культуры конца Нового времени: образы смерти», работа представлена
на соискание ученой степени доктора культурологии по специальности
24.00.01 «Теория и история культуры»**

Взаимодействие фольклора и литературы — сложная теоретическая проблема, которая на первый взгляд носит исключительно филологический характер. Однако выявление «авторского фольклоризма», то есть особенностей рецепции народного творчества у русских писателей и поэтов с попытками построения собственного неомифа, — важная особенность художественного мышления целого ряда русских классиков, и тогда речь идет о вертикальной трансмиссии культуры, передаче сакральных знаний (о смерти, прежде всего) от одного поколения другому, от одной подсистемы другой, а это уже проблемное поле культурологии. Картина мира у многих художников слова испытывает прямые или латентные влияния фольклоризма, причем на разных уровнях поэтики. М. А. Дударева стремится реконструировать фольклорный танатологический «метасюжет» русской литературы, выявить закономерности, которые, быть может, не всегда были отрефлексированы и самими авторами. При этом ракурс диссертационного исследования одновременно и традиционен (используются базовые «координаты» культурологии, филологии, фольклористики, философии), и

экспериментален, если так можно выразиться, инновационен (с использованием новейших разработок в области художественной апофатики вскрываются латентные фольклорные коды в классических произведениях, часто проявляющиеся на глубинных уровнях художественного текста). Такая постановка вопроса обеспечивает диссертации новизну и оригинальность.

Актуальность работы во многом обусловлена относительно новым подходом к русской литературе, в центре которого находится «апофатический метод». В советском литературоведении такой ракурс вряд ли был бы возможен — слишком жесткими были идейно-политические рамки, в которые было встроено литературоведение. Лишь тридцать лет назад стало возможным изучение темы без примата вульгарно-социологического подхода. Однако и за истекшие три десятилетия подступы к этой проблематике были спорадическими, целостной картины русской танатологической апофатики в литературе наукой создано не было. Именно поэтому давно назрела необходимость комплексного, междисциплинарного труда, который был закрыл эту лакуну. Со всей уверенностью можно утверждать, что диссертация М. А. Дударевой и стала таким исследованием.

Методология настоящей работы сводится к целостному онтогерменевтическому анализу художественного текста с применением структурно-типологического, сравнительно-сопоставительного, семантического и некоторых других методов исследования. Они позволяют перейти к описанию глубинных пластов литературы, этосов смерти, сна, болезни, вскрывают проникновение фольклорной традиции и вместе с ней танатологического комплекса в художественное творчество. Интересна и разработка специфического «апофатического метода», который позволяет релевантно достичь поставленной диссертантом цели – описания апофатики как феномена культуры. То есть в целом теоретико-методологические основы работы представляются не только аутентичными заявленной теме, но и перспективными для будущих литературоведческих исследований. Единственный момент, который смутил меня в теоретической главе, — это

название параграфа 1.3, восходящего к генезису словесного творчества. Параграф этот такой: «Апофатика русской художественной культуры: от поэзии к песне». На самом деле песенность — первоначальное состояние словесного творчества, в период синкретизма (дорефлективного традиционализма) ритуальный акт представлял собой неразъединимое единство пения, музыки и танца. А уже потом из песенно-ритуального субстрата выкристаллизовалась собственно поэзия как эстетический, а не сакрально-ритуальный феномен. Тем более что в тексте параграфа диссертант справедливо отмечает: «Литература Нового времени, несмотря на ее принадлежность гипертренду *Петровских реформ* с экстремальной абсолютизацией начала человеческого, не рвет своих связей с предшествующей традицией» (с. 49). Именно поэтому формулировка «от поэзии к песне» представляется мне инвертированной.

Нельзя не отметить обоснованность итоговых выводов и положений, выносимых на защиту, а также корректность в использовании научной терминологии. Важно, что понятие «фольклор» в диссертации понимается не узко, не ограничивается только словесными формами творчества, а учитывается миф, обряд, ритуал, то есть культурологический подход к явлению. Как отмечает сама исследовательница, она работает не только с поверхностным слоем фольклорных влияний. Речь идет и о более глубинном, структурно-семиотическом или, условно говоря, «генетическом» погружении в материал. М. А. Дударева справедливо указывает, что далеко не всегда обращение к фольклору — рациональный писательский ход. Реликтовые сюжетные, мотивные, субъектные и другие матрицы могут использоваться и неосознанно: быть откликами на услышанные в детстве сказки, былины, народные песни, а то и вовсе — апелляцией к подсознательной архетипической стороне человеческого «я». Однако такая постановка вопроса иногда провоцирует на полемику. Например, в целом глубоко и нетривиально интерпретируя гумилевское стихотворение «Жи́раф», диссертант указывает: «Катарсис все-таки случается — девушка плачет. <...>

Если даже косвенно учитывать тот факт, что слезы в ритуальном пространстве сопровождают плач, то перед нами в стихотворении разворачивается некое *пространство смерти*» (с. 135). Но, как нередко указывает сама автор работы, инобытие не всегда связано со смертью, в данном случае, мне кажется, что иной мир есть порождение грезы, мечты, воплощенной красоты, и со смертью корреляции тут очень уж опосредованные.

Диссертация М. А. Дударевой есть работа, теоретически выверенная и тщательно продуманная концептуально. Она представляет собой не соединение разрозненных элементов, а логически выстроенную систему, в которой каждый компонент работает на общий смысл. Особенно любопытны теоретические экскурсы, где скрупулезно рассмотрена научная традиция, связанная с данным вопросом. Более того, в работе речь идет о поиске нового исследовательского пути, о выстраивании новой генеалогии русской литературы в большом культурном пространстве. И многие вопросы, раскрытые в диссертации, кажутся весьма актуальными в контексте дальнейших исследований не только фольклоризма, танатологии, апофатики, но и вообще «трансцендентального слоя» классической русской литературы. В этом смысле работа оказывается как бы шире заявленных рамок, так как касается ряда базовых закономерностей, свойственных художественному творчеству и, шире, — художественному космосу русской культуры, сакрум которого составляют миф, фольклор и литература. Всё это свидетельствует о серьезном личном вкладе диссертанта в развитие отечественной культурологии и филологии.

Тот материал, к которому обращается исследовательница, можно разделить на два больших блока: явно ориентированные на фольклоризм тексты (например, «Руслан и Людмила» Пушкина, «Ночь перед Рождеством» Гоголя, «Сарай» Ганина) и те, где устное народное творчество явлено в большей степени имплицитно, как и моральное событие (пушкинский «Гробовщик», лермонтовская «Тамань» или чеховская «Невеста»). То есть

автор обращается не только к «внешнему, вторичному фольклоризму», например, к выявлению заимствованных из народной традиции смертельных сюжетов и мотивов, но и к скрытым архетипическим смыслам, к потаенным формам фольклорной традиции (например, подробно анализируются архетип корабля / лодки и его модификации в русской литературе и фольклоре одновременно), к особой метафизической оптике, свойственной народному творчеству, — ко всему тому, что формирует, по словам М. А. Дударевой, «фольклорное мировоззрение автора», и тогда известные произведения «самых нефольклорных» авторов, таких как Чехов, Бунин, Маяковский, во время герменевтической реконструкции танатологического и апофатического дискурсов русской словесной культуры наполняются другими смыслами. Столь сложная игра с подтекстами и интертекстами неизбежно приводит к тому, что не всегда тот или иной образ, прием, сюжет могут быть с полной уверенностью интерпретированы как фольклорные. Но к категоричности суждений автор, как правило, и не стремится, хотя полемический заряд у этой диссертации тоже присутствует: иногда воззрения ученых-предшественников подвергаются критическому разбору. Работа снабжена бесчисленными ссылками на источники, что сегодня особенно ценно (636 наименований в разделе «Библиография»).

В исследовании большое внимание уделяется рецепции народной танатологии у русских классиков, при этом данная тема связана отнюдь не только с вопросами смерти, но и в целом с их онтологическими воззрениями, ведь вопрос жизни и смерти, посмертного бытия — важнейшая философская проблема. А потому не только культурология, не только литература и фольклор, но и философия, антропология, мифопоэтика, религиоведение, этнология — в фокусе внимания исследовательницы.

Работа обладает и сквозным методологическим «сюжетом»: один и тот же теоретический постулат здесь рассматривается на материале произведений целого ряда классиков конца Нового времени (преимущественно берутся авторы XIX века и начала XX века), причем

сравнение делается не только с творчеством писателей и поэтов, указанных в оглавлении, здесь подключаются и иные контексты. А это значит, что исследование — не замкнутое, оно стремится выйти в область широких сравнений и обобщений, поэтому компаративистская составляющая представляется здесь одной из важнейших.

Интересно и авторское понимание фольклорно-танатологического двоемирия русской классики. Иное царство — второй мир, подземный мир русской волшебной сказки, который должен пройти, преодолеть культурный герой, Иван-царевич, Иван-дурак, чтобы добыть сакральные знания, волшебный предмет или вещую невесту. К достоинствам работы следует отнести и то, что ее автор понимает под «иным царством» вовсе не только пространство «того света». Еще Е. Н. Трубецкой, на редкие и полузабытые в филологии работы которого исследователь ссылается, в начале XX века на лекциях о русской культуре, об эстетике русской сказки и свойствах нашей иконописи, дал представления об устройстве «иного царства» в русской сказке и, шире, русском национальном космосе, о необходимой жертвенности со стороны культурного героя. Эти лекции слушали многие представители Серебряного века в религиозном Московском обществе. Но ведь в художественном пространстве фольклорная традиция преломляется, и писатель не обязан ей следовать. Так, например, в поэтике Пушкина, его сказках поиски «иного царства» связаны с апофатичностью образов: неведомые дорожки и невиданные звери в «Руслане и Людмиле», неведомой зверушкой называют младенца Гвидона в «Сказке о царе Салтане». Этот поиск также сопряжен с поиском вещей невесты Людмилы. Именно при таких обстоятельствах (кража невесты Черномором) Руслан попадает в «иное царство», которое представлено черноморовыми чертогами, прекрасным садом.

Интересно рассматривается и, например, лермонтовская апофатика, под которой подразумевается апофатика героя. В художественной системе «Героя нашего времени» жизненный путь Печорина сопровождается поиском

«иноного царства», который выражается в семантически нагруженных локусах, имеющих явно символическое, если не сказать метафизическое значение. Продуктивен герменевтический анализ «Тамани» по выявлению этосов жизни и смерти. Хатка на краю деревни в Тамани, микротопос лодки / ладьи, в которой происходит состязание между Печориным и девушкой-ундиной, имеющее природу агона (с. 99), — модели пространства, потенциально связанные с топосами «того света».

В поэтике Чехова и Бунина иномирная действительность также выражается в первую очередь через соотношение моделей пространства, где главное место отводится локусам сакральным, открытым, и замкнутым, инфернальным: парадокс художественного пространства, выявленный в ходе герменевтической реконструкции, состоит в том, что свое и чужое меняются местами. Например, дом для чеховской Нади Шумной — чужое пространство, а поле, степь — открытое, потенциально опасное, но обещающее возрождение в новом качестве, и путешествие из дома аксиологически приравнивается поиску «иноного царства». Можно было бы пройти мимо этих маркеров в лаборатории писателя-реалиста, но М. А. Дударевой удается вычитать в повести «Невеста» Чехова и в «Несрочной весне» Бунина онтологический план, связанный с фольклорной традицией и парадигмой «иноного царства», характерной для русской сказки.

Для некалендарного XX века, картины мира эпохи авангарда также характерны поиски «иноного царства», которые выразились в есенинской Инонии, клюевском Китеж-граде, в странных антропоморфных и зооморфных образах ранних поэм Маяковского. Система культурных координат пошатнулась, открытия в области физики и психоанализа «выбросили людей из своих биографий», многие поэты намеренно отказывались от традиций, следования за классиками. Однако М. А. Дударевой удается доказать, что авангардисты, особенно Маяковский, латентно обращаются к мифу и фольклору, русскому и грузинскому национальным образам мира, переосмысляя многое из традиционной

народной культуры (поэмы «Облако в штанах», «150 000 000»). Апелляции к разным жанрам фольклора (загадке, быличке) и этнографическому материалу (вышивке) позволяют иначе увидеть образный строй Есенина, Маяковского, Хлебникова, других авторов. Поистине невозможно остановиться на всех интересных находках диссертанта, которые порой совсем с иного ракурса представляют классические, казалось бы, давно «перепаханные» тексты русской литературы.

Любопытны и апелляции к песенности, где архаические, реликтовые подтексты кажутся более выраженными, чем в печатной литературе, — и тому есть масса подтверждений, начиная с лингвофизиологии пения. Правда, глава, посвященная апофатике русской песни, наверное, могла бы быть более обширной. Однако даже те примеры, которые рассматривает диссертант, показывают, насколько большое поле для апофатических исследований представляет собой песенная традиция. Например, обращает на себя внимание танатологический фольклоризм Высоцкого, рассмотренный в диссертации на материалах песни «Мои похороны» (названной почему-то стихотворением). Диссертант отмечает «тонкую грань между сном и явью», дихотомию «антимир / иномир» (с. 311). Но не указывают ли последние строки песни на множественность таких миражных, сновидческих реальностей? И только ли здесь двоимирие?

Как и любое новаторское исследование, диссертация М. А. Дударевой не лишена дискуссионных моментов. Так, в вынесенном на защиту положении № 6 (с. 32) указывается: «Художник слова не всегда следует за фольклором, после ученического этапа в творчестве вырабатываются на интуитивном или сознательном уровне новые модели и формы репрезентации накопившегося культурного танатологического опыта». Возникает вопрос: всегда ли эти новые формы и модели вырабатываются после ученического этапа? Вопрос можно поставить и иначе: всегда ли во время так называемого ученичества автор копирует культурные коды? Разве не может произойти отталкивание от традиции уже в самом начале

творческого пути, тем более что у многих классиков этот путь очень короток?

На с. 55 указывается, что «в области славянских древностей чрезвычайно важны материалы погребальной обрядности». Мне кажется, не следует преувеличивать важность танатологического кода как у древних славян, так и у других народностей (например, древних египтян). Дело в том, что основные данные о той или иной культуре наука часто черпает из захоронений, тогда как остальная материальная культура может сохраняться весьма фрагментарно. Иначе говоря, многие культуры мы изучаем почти исключительно по кладбищам, поэтому как тут не превалировать танатологии?

Ну и совсем частное замечание: в некоторых местах отрывки из иностранных источников даются без перевода (см., например, с. 279), что затрудняет чтение.

В целом же можно констатировать, что оппонируемая диссертация выполнена на достойном аналитическом уровне, высказанные выше замечания не умаляют достоинств рассматриваемой работы и не снижают значимости данного научного труда, отличающегося доказательностью концепции. Автореферат и публикации вполне отражают основное содержание работы. Основные научные результаты диссертации опубликованы в достаточном числе рецензируемых научных изданий. Выводы работы могут быть использованы в практике школьного и вузовского преподавания как культурологических дисциплин, так и дисциплин, связанных с русской литературой.

Таким образом, диссертационная работа Дударевой Марианны Андреевны «Апофатика русской словесной культуры конца Нового времени: образы смерти» представляет собой самостоятельный завершённый научный труд, имеющий как теоретическое, так и прикладное значение. Представленная диссертация и автореферат вполне отвечают требованиям пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней» (Постановление

Правительства РФ от 24.09.2013 № 842, с изменениями, внесенными Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.05.2020 № 751), предъявляемым к докторским диссертациям, соответствуют пунктам паспорта специальностей ВАК РФ: 1.16 — традиции и механизмы культурного наследования, 1.21 — традиционная, массовая и элитарная культура, 1.22 — культура и национальный характер, 1.23 — личность и культура, 1.28 — культурные контакты и взаимодействие культур народов мира. Автор работы, Дударева Марианна Андреевна, заслуживает присуждения ученой степени доктора культурологии по специальности 24.00.01 «Теория и история культуры».

Официальный оппонент —
доктор филологических наук
по специальностям:

10.01.01 «Русская литература»,
10.01.08 «Теория литературы, текстология»,
профессор кафедры государственного,
управления и менеджмента
Брянского филиала РАНХиГС

В. А. Гавриков

Гавриков Виталий Александрович
Брянский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской
Федерации
241050, Брянск, ул. Горького, 18,
Раб. тел.: 8(4832)72-28-19
e-mail: gva@br.ranepa.ru

05.07.2021

Подпись В. А. Гаврикова удостоверяю:

Директор Брянского филиала РАНХиГС,
кандидат культурологии, доцент

С. А. Шачнев